

иррациональные связи, эмоционально-оценочное восприятие мира человеком. В отличие от понятия концепт представляет собой «широкую», «неотфильтрованную», «интуитивно сформированную» единицу когнитивного сознания, тот смысл, которым оперирует человек в процессе мышления. В структуре концепта выделяется активный слой, образующий основным признаком, пассивный слой, или менее актуальные признаки и его этимология.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 895 с.
2. Никитин М.В. Об отражении картины мира в языке // *Studia Linguistica*. 8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы / Отв. ред. В. М. Аринштейн, Н. А. Абиева. — СПб.: Тригон, 1999. — С. 6–14.
3. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1998. — 784 с.
4. Худяков А.А. Понятийные категории как объект лингвистического исследования // *Аспекты лингвистических и методических исследований*. Сб. научн. тр. / Отв. ред. Н.В. Чичерина, Т.А. Клепикова. — Архангельск: Изд-во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1999. — С. 3–19.
5. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модель пространства, времени и восприятия). — М.: Гнозис, 1994. — 343 с.

Трофимова И.А.

РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В ФУНКЦИИ ПОРИЦАНИЯ

Предметом рассмотрения в настоящей статье является семантика порицания, «упакованного» в форму вопросительных высказываний — явления, естественного в диалогическом дискурсе, включающем живую коммуникативную ситуацию и реальных взаимодействующих участников.

Основное свойство вопроса есть «знание-незнания», вопросы задаются с тем, чтобы узнать неизвестное. Если же вопросы лишены «спрашиваемого», то они теряют свое первоначальное предназначение и наполняются новым содержанием, в нашем случае это порицательная интенция, упреждение на недостаток адресата и побуждение его исправить. Популярной формой вопросительной формы при выражении порицания объясняется ее эмоциональной «нагруженностью»: одновременная реализация вопросительного и утвердительного («холодного» по своей природе) значений создает особый эмоциональный заряд.

Семантика вопросов-порицаний исключительно многообразна, однако результаты анализа показывают, что они в абсолютном большинстве являются узуальными, конвенциональными образованиями, строящимися по привычным, узнаваемым моделям. Это своего рода синтаксические метафоры, они обладают необходимым набором дистинктивных признаков (грамматическая устойчивость, воспроизводимость), позволяющих идентифицировать их с этими языковыми единицами. Ограниченные рамки статьи не позволяют рассмотреть весь спектр возможных стратегий вопросов-порицаний, поэтому изложение концентрируется лишь на некоторых наиболее интересных, на наш взгляд, случаях.

К категории риторических вопросов-порицаний следует в первую очередь отнести вопросы об образе выполняемого действия: *Ja, wie redest du denn? Ist doch lauter ungereimtes Zeug <...> (Bergner)*. Говорящий запрашивает информацию и, не дожидаясь реакции адресата, сам отвечает на заданный вопрос, совершенно избыточный в ситуации диалога — говорящий прекрасно слышал предыдущую реплику адресата, следовательно, он сам может определить образ действия — **как** говорит адресат. Не вызывает сомнений наличие иной интенции его высказывания — выражение неодобрения содержанием речи адресата, побуждение говорить яснее, без намеков и подтекста.

Похоже функционируют избыточные вопросы о внешнем виде адресата: *Wie sehen Sie denn aus, Mensch! (Noll)*. Главным показателем реализации вопросительной интенции в них является ситуация непосредственного общения партнеров: говорящий собственными глазами видит адресата и все особенности его внешнего вида. О реализации интенции, отличной от вопросительной, свидетельствует в приведенном высказывании также ее маркирование восклицательным знаком вместо вопросительного.

Избыточными являются вопросы о том, как адресат смог выполнить порицаемое действие: *Ihr Idioten! Wie könntet ihr das zulassen! Wenn das Lord Ashborne erfährt, wird er euch alle zur Verantwortung ziehen! (Konsalik)*. Совершенно очевидно, что говорящего меньше всего волнует образ действий адресатов, совершивших проступок. Кроме того, глагол *zulassen* не предполагает возможности такого пояснения (*Zuerst haben wir ... gemacht, dann...*), поскольку относится к категории глаголов, не обладающих валентностью на образ действий.

Как правило, речевой фрагмент с вопросом-порицанием содержит операторы, указывающие адресату на порицательный характер вопроса. В приведенном выше высказывании роль такого маркера играет порицательный вокатив *Ihr Idioten*, выступающий как отправная точка порицания, и угроза наказания за проступок *Wenn das Lord Ashborne erfährt, wird er*

euch alle zur Verantwortung ziehen! В следующем примере роль такого... тора выполняет констатация ненадлежащего ухода за дорогим муз... ным инструментом, имплицитная отрицательная оценка такого... щения с ним: *Wie kann man ein so wunderbares Stück so verkommen lassen? Flügel ist gut zehn Jahre nicht mehr gestimmt worden!* (Hauptmann). Семан... глагола с отрицательной оценочностью *verkommen* также не допуска... стоятельств образа действия, а в сочетании с выраженной положитель... оценочной характеристикой объекта действия он однозначно указывает... на порицательную интенцию.

Вопросы-порицания рассматриваемого типа имплицитно соотно... ние порицаемого действия к норме: их пресуппозицию составляет не... которое нормативное (морально-этическое, социальное и др.) суждение... Адресат своими действиями, поведением нарушает нормативное предпи... сание. Риторический вопрос в таком случае касается реального полож... ния дел, имеет цель указать на недопустимость порицаемого поведения... действия и вернуть адресата к нормативным предписаниям, например *Bist du es, der den Hof niederbrennen wollte? Wie kann ein Mensch nur so etw... tun?* (Brunner). В приведенном высказывании нарушение нормы (полжн... дома одинокой женщины, вызванный желанием выжить ее из общины)... получает обоснование в виде риторических вопросов, второй из которых... содержит имплицитную отсылку к норме (*Ein Mensch tut so was nicht! So will... tun nur Unmenschen!*).

Конвенциональными стали риторические *wie*-вопросы-порицания... содержащие формальный запрос о том, как адресат осмелился нарушить... предписанные нормы и вопреки им выполнить порицаемое действие... Такой вопрос формулируется при помощи глагола *wagen* в сочетании... с модальным глаголом *können*: *Wie kannst du es wagen, ohne zu klopfen hier... reinzukommen!* (Graham). Пропозициональная часть называется, как прави... ло, осуждаемое действие (*ohne zu klopfen reinkommen*), осуждение сопровож... дается эмоциями возмущения. Сила выражаемых эмоций увеличивается... использованием модального глагола *können* — говорящего возмущает не... просто прецедент «осмеливания», он задается вопросом о степени «паде... ния» морали адресата, если он способен осмелиться переступить норму и... выполнить порицаемое действие. Высказывания с глагольной парой *wagen... können* стали своего рода порицательным клише, используемым в ситуаци... ях нарушения норм и правил.

В *wie*-вопросах-порицаниях встречаются стратегии прямого указания... на виновника небенефактивного положения дел — адресата (*Wie kannst du... uns die Schand nur antun?* (Steingruber) и стратегии смещения референци... альной отнесенности, т. е. замена конкретной референции объекта оценки

неопределенную или обобщенную, как в уже упоминавшемся примере... *kann man ein so wunderbares Stück so verkommen lassen*. В целях усиления... ответственности эти стратегии совмещаются в одном порицании, созда... эффект редупликации: *Ihr Schufte! Wie könnt ihr das nur tun? Wie können... menschen so gemein sein!* (Brunner).

Распространенной формой порицаний являются вопросы о том, дей... ствительно ли адресат считает порицаемое положение дел положитель... ным, соответствующим норме: *Wahnsinniger! Irrsinniger! Schwachsinniger!... ant Er das ein Nachtgebet für einen preußischen Korporal?* (Noll). Маркерами... называемыми на порицательную интенцию приведенного примера, яв... ляются синонимичные вокативы *Wahnsinniger! Irrsinniger! Schwachsinniger!*... Такие порицания близки вышеописанным тем, что указывают на несо... ответствие результата выполненного действия ожиданиям говорящего,... ситуативной норме. Они строятся по клишированной, модели *Nennst du/... können Sie das ...*, наполняясь конкретной семантикой в прагматической... ситуации: *Vetter, du bist Ladeschütze, nennst du das einen munitionierten Panzer? Ich habe keinen einzigen Gurt am MG!* (Noll) — о том, что говорящий не ждет... ответа на свой вопрос, свидетельствует его собственный на него ответ —... отсутствие боеприпасов в танке означает плохую подготовку заряжающего... к бою.

В эту же группу включаются высказывания типа *Wolzow, quatschen Sie... nicht! Sie wollen Offizierssohn sein? Der Schandfleck der Batterie sind Sie!* (Noll),... также выражающие порицание за несоответствие норме, требованиям... предъявляемым к определенной ситуации: солдату, тем более сыну офице... ра немецкой армии, не пристало нарушать дисциплину. Глагол *wollen* ис... пользуется в приведенном примере как средство выражения отношения... говорящего к формально запрашиваемому факту — он указывает на не... высокую степень его убежденности в том, что адресат, позволяющий себе... такое поведение, может быть сыном офицера.

Избыточные вопросы, имплицитно оценивающие действия/поведения... адресата, задаются часто в ситуации, когда адресат переходит границу до... зволенного в общении или в отношениях с говорящим. Такие порицания... вопросы представляют собой формальный запрос информации о том, что адресат о себе воображает или себе позволяет: *Idiot! Schnösel! Depp! Was bildest du dir ein!* (Hauptmann); *Nehmen Sie sich zusammen! Was erlauben Sie sich!* (Noll). Ни в том ни в другом случае говорящий не ждет ответа от адресата (ответ явился бы нарушением ожиданий говорящего и считался бы непозволительной дерзостью), отрицательность действий адресата для него очевидна и не требует доказательств или пояснений. Поэтому порицания, строящиеся по таким моделям, кратки и лаконичны, лишь иногда

... который указывает в пропозиции вызвавшее его недовольство действие: *Holt, was erlauben Sie sich zu grinsen? (Noll)*.

В ситуациях статусного или ситуативного неравноправия говорящий, выражая недовольство положением вещей, пытается выяснить, получено ли разрешение выполнять порицаемое действие: *Wer gibt Ihnen das Recht, sich in meine Angelegenheiten zu mischen? (Brehm)*. Такие «странные» вопросы имеют целью заставить адресата занять оборонительную позицию, хотя в ином контексте они могут быть вполне логичными. Прямой вопрос теряет всякий смысл, если диалог происходит в таксическом вопросе-порицании адресован таксисту: *Idiot! Wer hat denn gesagt, dass die Fahrt beendet ist? (Hauptmann)*, поскольку информация о том, что поездка закончена, таксист мог получить только от самого говорящего. Значит очевидно, что вопросительная интенция нейтрализуется и на первом плане не оказывается интенция порицания адресата-таксиста, который собирается уезжать, не дожидаясь вышедшего на минуту пассажира. Маркером порицания является вокатив *Idiot!*, не допускающий иной интерпретации вопроса. В следующем примере, аналогичном предыдущему, к маркерам относятся еще и оценочное наречие *dämlich* и глагол с отрицательной оценочной семантикой *herumschwafeln*: *Hörn Sie auf, Sie dreifacher Idiot! Ich habe Ihnen erlaubt, hier dämlich herumzuschwafeln? (Noll)*. Вопрос-порицание адресованный солдату, нелогичен и избыточен, поскольку разрешение высказывать свою точку зрения на тактику ведения боя солдат может получить только от командира, т. е. от самого порицающего. На поверхности высказывания отрицательная оценка и порицание поведения солдата: *Wer hat Ihnen erlaubt, hier dämlich herumzuschwafeln? Niemand hat es Ihnen erlaubt, ich tadle Sie dafür, dass Sie doch dämlich herumzuschwafeln, und befehle Ihnen, damit aufzuhören.*

В аналогичных ситуациях появляются косвенные вопросы о значении порицаемого положения вещей: *Norbert, was soll denn das heißen? Willst du meine Eltern enttäuschen? (Brehm)*. Высказывания этого типа чаще всего лишены инфинитива глагола *bedeuten* или *heißen*, он представлен имплицитно: *Aber was soll das? Es ist für alle genug da. Warum soll der Bursch in die Wirtschaft gehen? (Steingruber) → Aber was soll das bedeuten? ...* На вопросы такого типа формально возможен ответ как на собственно вопрос даже в ситуации порицания: *Was soll das Theater? Spielt ihr an eurer Grenze Katz und Maus? — Ja, das machen wir <...> (Altenried)*. Но такая реакция встречается редко, порицание и здесь является преобладающей интенцией и не предполагает возражения, попытка возразить резко пресекается, рождая новое порицание в продолжении речевого фрагмента: — *Aber... — Halt den*

... Риторические вопросы в функции порицания
Spielhel, ich dulde keine Widerrede! Solche Spielchen gibt's bei mir nicht, das weißt du ganz genau <...> (Steingruber).

К числу прочно закрепившихся в речи узуальных форм относятся вопросы об умственной и психической состоятельности адресата типа *Bist du wirklich närrisch geworden? Was denkst du dir überhaupt? (Brunner)*. Поскольку интеллектуальные способности и состояние психики индивида относятся к числу тех качеств, о которых окружающие должны судить на основании их внешних проявлений, то обращение к самому адресату за аксиологическими выводами о нем, по крайней мере, нелогично. Значит, это вопросы-порицания, которые легко трансформируются в оценочные высказывания (например *Du bist närrisch geworden*). Частнооценочные прилагательные (*närrisch, verrückt, wahnsinnig, schwachsinnig, übergeschmippt, törricht, krank*) или синонимичные им идиомы (*von allen guten Geistern verlassen sein: Bist du von allen guten Geistern verlassen? Ich kann es einfach nicht glauben: meine Tochter und der Knecht von Stierbauern (Steingruber)*) характеризуют действия адресата как необдуманные, опрометчивые, безрассудные, т. е. как нерациональные, но не имеющие отношения к квалификации с медицинской точки зрения. Несмотря на идентичность модальных значений, выражаемых в вопросе и соответствующей констатации (*Bist du verrückt?* и *Du bist verrückt!*), сравнимые формы отнюдь не тождественны: вопрос представляет собой более экспрессивное порицательное суждение и обладает, следовательно, более сильным воздействием на собеседника. Со своей стороны, констатация является очень категоричным, безапелляционным порицанием, которое при определенном психическом состоянии адресата может быть воспринято как инвектива.

Следует заметить, что в вопросах-порицаниях такого типа меняется и характер выражения категории аффирмативности: оппозиция «констатация наличия/констатация отсутствия» сохраняется, как в утвердительных суждениях, но формально эти значения получают противоположные значения: *War es nicht ziemlich törricht, so viele Hoffnungen auf einen einzigen geographischen Zufall zu setzen? (Graham) → Es war ziemlich törricht. ...* В приведенном высказывании ничто не отрицается, напротив, подчеркивается факт нерациональной логики расследования преступления, приведшей детективов в тупик. Выбранная говорящим форма выражения порицания снимает категоричность оценки, он как будто задается вопросом (ленивременно усиленным аппроксиматором *ziemlich*), заранее зная ответ. Задача адресата заключается только в вербализации этого заранее заданного ситуацией ответа.

Конвенциональными стали «странные» вопросы-порицания о виде, качестве лиц или положения вещей, об их характеристике: *Was ist denn das*

für eine Schweinerei? Das lass ich mir nicht bieten! <...> (Hauptmann). Формально на приведенный вопрос должен был последовать ответ **Das ist eine große/kleine, gute/schlechte, rote/weiße, Schweinerei.* Разумеется, говорящий ждет не такого ответа, он не ждет, естественно, никакого ответа, поскольку сам оценивает обсуждаемое положение вещей употреблением оценочного существительного Schweinerei. Им же выводится: *Was ist das für <Dingenlage?/Was für Dinge tun Sie? Ich sehe, Sie tun keine guten Dinge, ich würde sie als Schweinerei bezeichnen. Das ist also eine Schweinerei! <Ich werfe Ihnen diese Dingenlage tadelnd vor!>.* Вопросы порицания этой категории не обязательно включают оценочные лексемы, однако они запрограммированы своей ситуацией, пресуппозицией суждения: *Was für ein Ton? Empfängt man einen Freund? (Konsalik) → Das ist kein gehörender Ton für den Empfang eines Freundes. Ich werfe Ihnen Ihren Ton vor und tadele Sie dafür.*

Как клише-порицания функционируют вопросы о местонахождении порицаемого положения вещей: *Am Aquarium schmeißen, wo gibt's denn so was? (Noll).* Такие вопросы превратились в устойчивые порицательные формулы, не трансформируемые, не допускающие в свой состав дополнительных элементов. Структура полного высказывания порицания тоже определена: перед вопросом-порицанием называется отрицательно оцениваемое положение вещей, затем задается вопрос *wo gibt's denn so was?* Этот вопрос можно считать парадоксальным, ведь в конкретной языковой ситуации, исключающей альтернативный ответ, снимается противоречие между исходным предположением вопроса и ответом на вопрос: офицер, порицающий солдат за потасовку высказыванием *Die Neuen verprügeln die Alten, wo gibt's denn so was? (No),* отказывает вопросу в риторичности (*Nirgendwo!*), так как совершенно четко знает, по крайней мере, одно место, где происходит подобное нарушение порядка — его подразделение.

Таким же парадоксальными являются порицания адресата за опоздание в форме вопросов о его местонахождении в момент речи: *Jetzt wo bleibst du denn nur? Bald werden die Gäste dasein, und es ist weder der Saft gewaschen noch der Tisch gedeckt (Seingruber).* Абсурдность такого вопроса очевидна — адресат находится в поле зрения говорящего, следовательно, интенция приведенного высказывания совсем не запрос информации, а выражение неодобрения.

Самые разнообразные оттенки значения имеют порицания в форме вопросов о причинах выполнения порицаемого действия, например: *Ich verzerrst du alles, Simone? Warum können wir nicht in Ruhe darüber diskutieren <...> (Uhl).* Отрицательная оценка действия, совершенного адресатом порицания, детерминирует запрос о причинах этого действия. Говорящий

ожидает ответа на свой запрос, он побуждает адресата изменить свой образ действий, сменить линию поведения, настроиться на сотрудничество в общении. Еще пример такого рода: *Was starrst du mich so an? Sehe ich bereits zum Fürchten aus, dass du mich so ansiehst? (Buchner)* — порицание за нарушение норм поведения в обществе (не принято пристально разглядывать партнера) и требование придерживаться норм поведения.

Традиционные риторические вопросы-порицания с самым разнообразным содержанием в форме общевпросительных предложений, предполагающие только один, заложенный в пресуппозиции высказывания, вариант ответа: *Ist so viel Ungezwungenheit klug? (Matzuoka) → So viel Ungezwungenheit ist nicht klug.* Такие вопросы задаются адресату с целью получить у него подтверждение собственной — отрицательной — оценки положения вещей. К этой категории следует причислить, например:

— Вопросы-порицания с глаголами мыслительной деятельности *meinen, glauben, denken,* Формально такие вопросы запрашивают информацию об образе мыслей адресата: *Ich werde dir zeigen, zu wem du gehörst. Denkst, ich will ein Flittchen zur Frau? (Konsalik),* но ответ на этот вопрос известен заранее и не зависит от контекста — ни один «нормальный» мужчина не хочет иметь женой легкомысленную особу: *Denkst, ich will ein Flittchen zur Frau? Wenn du so denkst, dann irrst du dich, ich will kein Flittchen zur Frau. Du aber benimmst dich wie ein billiges Flittchen, was ich negativ beurteile und dich dafür tadele.* В этой же группе вопросов-порицаний находятся высказывания, касающиеся общечеловеческих ценностей, морали, нравственных установок: *Das sechste Gebot lautet: du sollst nicht ehebrechen! Und ein Ehebrecher sitzt vorne in der Bank und betet! Glaubst du, Gott lässt sich so betrügen, wie ein Mensch? (Konsalik).* Единственно возможный ответ на такой вопрос предопределен заранее: *Du kannst den Gott mit deiner Scheinheiligkeit nicht betrügen. Du sollst lieber seinen Geboten folgen und nicht ehebrechen.* Это своего рода прохибитив, косвенный синоним аксиологического протокольного предложения *Man soll nicht versuchen, den Gott zu betrügen,* целью которого является коррекция системы ценностей адресата, его поведения.

— Вопросы о желании или намерении совершить порицаемое действие как *Idiot, willst du uns umbringen? (Hauptmann)* всегда касаются предосудительных действий, порицаемых обществом, как лишение кого-либо жизни (*j-n umbringen*), оскорбление собеседника (*j-n beleidigen*), вымогательство (*Geld von j-m haben wollen*), симуляция болезни (*mit einem Kratzer krank spielen*) и др. Поэтому совершенно логична интерпретация высказываний типа *Sag mal, mein liebes Kind, willst du einen Haarpelmann aus mir machen? (Brehm)* как порицаний — говорящий предполагает отрицательный ответ на заданный им вопрос и оценивает поведение адресата, создавшее у него

впечатление, что адресат намерен выполнить предосудительные действия: *Sag mal, mein liebes Kind, 'st du einen Hampelmann aus mir machen? Du verhältst dich so, als hättest du eisolche Absicht. Ich beurteile dein Verhalten negativ, werfe es dir vor und tadle did dafür.*

— Вопросы-порицания о необходимости выполнения определенного, как правило, осуждаемого, действия как излишнее употребление алкоголя, ссоры и издевательства друг над другом: *Musst du soviel trinken? (Steingruber)*. Такие действия не относятся к числу физических потребностей человека, их также нельзя назвать необходимыми в силу долга, моральной обязанности или внутреннего убеждения, поэтому очевидно, что вопрос о мотивированности постоянного или чрезмерного проявления отрицательных качеств имплицитно желает устранить их: *Du musst nicht so viel trinken, aber du tust es, was ich negativ einschätze und dich dafür tadle.*

— Вопросы-порицания с модальным предикатом возможности, выраженным глаголом *können* с отрицанием, он «перелицовывает» модальность ситуации: говорящий пресуппонирует, что желаемое действие может быть совершено адресатом и порицает последнее за невыполнение этого действия. Вербальный контекст часто указывает на наличие условий, необходимых для совершения действия: *Mein Kopf, Ludwig. Kannst du deine Familienstreitigkeiten nicht woanders austragen? Das Haus ist groß genug (Konsalik)*. Такие порицания значительно менее категоричны по сравнению с прямым императивом, более универсальны и экономичны (ср. эксплицитное высказывание: *Mein Kopf tut weh, Ludwig. Kannst du deine Familienstreitigkeiten nicht woanders austragen? Du kannst sie bestimmt woanders austragen, das Haus ist groß genug. Du tust es aber nicht, dich schätze ich negativ ein, tadle dich dafür und bitte, es doch woanders zu tun*).

В литературе выделяются также вопросы бессмысленные, выясняющие наличие у адресата или местонахождение каких-либо частей тела: *Wo hast denn den Kopf, Madl? So wie du das machst, hängt man doch keine Wäsche auf. Du tust gerade so, als würdest du zum erstenmal machen (Steingruber)*. Разумеется, говорящий видит, что голова адресата на месте; используя такой своего рода метонимический перенос (мыслительный процесс — голова), говорящий порицает адресата за невнимательность, за то, что его голова занята не относящимися к ситуации мыслями: *Wo sind deine Gedanken woran denkst du?*

Представленный «портрет» косвенных порицаний в форме вопросительных предложений свидетельствует о широком диапазоне возможностей эксплицитирования порицательной интенции. «Холодное», рациональное по своей природе порицание эмоционально «подогревается» при «обертывании» отрицательной оценки поведения или действий адресата

в несвойственную ей форму. Множество употреблений такого простого, но очень действенного способа эмоционального порицания результирует в появлении клишированных языковых единиц, функционирующих в качестве устойчивого моделированного образования, при необходимости легко вызываемого из ментального лексикона в готовом виде.

Щербакова И.О.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПИСЬМА КАК ОСОБОГО ТИПА ДИСКУРСА

Термин «дискурс» (франц. discours — речь, выступление) иногда определяется как текст, взятый не изолированно от всех обстоятельств, а с учетом тех событий, в которых этот текст имеет смысл. То есть текст в его событийном окружении, что позволяет связать его содержание с практическими обстоятельствами, социальными условиями, культурной обстановкой. Н. С. Валгина метафорически определяет дискурс как «речь, погруженную в жизнь» [2: 13]. Следовательно, можно говорить о некорректности применения понятия «дискурс» в отношении древних текстов; это понятие применимо лишь к текстам, «живущим» в современных условиях, в лингвистических и нелингвистических обстоятельствах существующей реальности. Дискурс включает и внешние, ритуальные условия существования текстов. Здесь важным становятся условия перемещения текстов в канале связи, условия создания и оформления, сопровождающие действия, связанные с техническими и информационными процедурами.

Дискурс понимается как «цельнооформленная единица информации, обусловленная лингвистическими и экстралингвистическими параметрами» [7: 6]. Существуют и другие дефиниции дискурса, такие как вербальное общение, единство коллективного и индивидуального начал речи (В. Г. Борботько), или специфичный язык, выражающий особую ментальность (Ю. С. Степанов).

Несмотря на различия в понимании термина «дискурс» (современный исследователь коммуникации Патрик Серио говорит о восьми значениях термина) [9: 26], многочисленными исследованиями обозначены три основания для определения понятия. Во-первых, дискурс соотносится не с отдельным предложением, а с фрагментом текста, который сам является микротекстом со своим микросюжетом, микролингвистикой, познавательным содержанием. Во-вторых, дискурс основан на использовании взаимосвязанных речевых отрезков, формирующих текст, воспринимаемый и интерпретируемый носителем того языка, который использован для создания этих речевых отрезков. В-третьих, дискурс определяется